

-
- precursors of financial instability in Russian Federation. *Studies on Russian Economic Development*, vol. 5, pp. 100–109 (in Russian).
- Whitt J.A. Jr. (1988). Commodity prices and monetary policy. Federal Reserve Bank of Atlanta. Working Paper, no. 88, pp. 8.
- Yamarone R. (2004). The trader's guide to key economic indicators. Moscow, Internet-Trading (in Russian).
- Zarnowitz V., Boschan C. (1975a). Cyclical indicators: An evaluation and new leading indexes. *Business Conditions Digest*, May, pp. V–XXII.
- Zarnowitz V., Boschan C. (1975b). New composite indexes of coincident and lagging indicators. *Business Conditions Digest*, Nov., pp. V–XXIV.
- Zarnowitz V., Moore G.H. (1977). The recession and recovery of 1973–1976. *Explorations in Economic Research*, no. 4 (4), pp. 472–557.
- Zarnowitz V., Moore G.H. (1982). Sequential signals of recession and recovery. *Journal of Business*, no. 55 (1), pp. 57–85.
- Zarnowitz V., Ozyildirim A. (2002). Time series decomposition and measurement of business cycles, trends and growth cycles. *NBER Working Paper*, no. 8736.

Manuscript received 11.04.2017

РЕЖИМ VS ФОРМА: О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

С.Н. Максимов

В статье рассматриваются тенденции развития отношений собственности, обусловленные изменениями в технологических способах производства, меняющейся ролью факторов производства, в частности повышением роли человеческого фактора в современных условиях. Повышение роли человека как активного субъекта экономической деятельности находит отражение и в его месте в отношениях собственности. Традиционное для предыдущих этапов развития общественного производства разделение на собственников и несобственников уходит в прошлое, уступая распределению правомочий собственности в различных комбинациях между всеми участниками экономической деятельности. При этом современные трансформации собственности предполагают существенный пересмотр понятийного аппарата.

По мнению автора, в настоящее время утрачивает свое значение такое понятие, как форма собственности. Более точно отражающим современные тенденции в развитии отношений собственности является понятие «режим собственности». Действительное содержание собственности как *присвоение* определяется не фактом формальной принадлежности объекта «титულიному» собственнику, а реальным распределением правомочий собственности по отношению к объекту собственности между рядом хозяйствующих субъектов, в качестве которых выступают «титульные» собственники, менеджеры, коллективы работников, отдельные работники и т.д. Учет их интересов становится необходимым условием эффективности экономической деятельности. С учетом этого в качестве понятия, которое наиболее точно отражает современные

© Максимов С.Н., 2018 г.

Максимов Сергей Николаевич, д.э.н., профессор, профессор Санкт-Петербургского экономического университета, Санкт-Петербург, msn1@mail.ru

процессы, происходящие в отношениях собственности в процессе перехода от иерархической к гетерархической организации экономических процессов, предлагается использовать термин «режим распределенной собственности». Под последним понимается режим собственности, при котором правомочия собственности распределены между рядом хозяйствующих субъектов таким образом, что ни один из них не может принимать решения о судьбе объекта без согласования с другими.

Ключевые слова: собственность, содержание и форма, форма собственности, режим собственности, иерархия, гетерархия, сетевая экономика, распределенная собственность, договороспособность.

JEL: P26.

В последние годы в отечественной экономической и в целом обществоведческой литературе заметно вырос и продолжает расти интерес к проблемам собственности, причем не только среди ученых, принадлежащих к ведущим научным центрам страны, но и среди их коллег из других городов¹. Причина этому – все более ощущаемый переломный характер современной эпохи, основным содержанием которого являются глобальные изменения в технологическом базисе общества, структурные трансформации в экономике, сдвиги в социальной структуре общества, нарастание социально-экономической нестабильности, захватывающее все основные «центры силы» современного мира. В такие периоды становится очевидным, что общество нуждается в новом прочтении фундаментальных закономерностей его развития и здесь нельзя обойтись без обращения к проблемам собственности.

¹ Среди представителей экономической науки, успешно разрабатывающих проблемы собственности, хотелось бы выделить, прежде всего представителей НИУ ВШЭ, Института экономики РАН (Р. Капельников, Д. Сорокин, В. Тамбовцев), СПбГУ (А. Лякин), Южного федерального университета (В. Вольчик) и ряда других центральных вузов. Вместе с тем появляются интересные работы, выполненные и в региональных центрах, например: Д. Мельникова (Тюмень), В. Останина (Владивосток), и других авторов.

Трансформационный характер современного этапа развития отношений собственности высвечивают и такие вполне зримые явления социально-экономической жизни, как, например, процессы реновации устаревающего жилищного фонда, вызвавшие столь острые общественные дискуссии в первой половине 2017 г. Их ядром, по сути, и был *вопрос о распределении прав собственности* в такой сложной ткани, как городское пространство.

Основу современного процесса трансформации социально-экономических систем развитых стран составляет происходящая в настоящее время смена технологических укладов, однако смена не рядовая. Понятие «технологический уклад» отражает развитие индустриального общества, в то время как современные изменения, по существу, выводят общество за пределы индустриальной эпохи. Если суммировать все конкретные технологические инновации, с которыми связывается современный (пятый по основной версии) и будущий (шестой) технологические уклады, то общим трендом является реальное превращение знаний, интеллекта в новый фактор производства, от эффективности использования которого в определяющей степени зависят темпы и качество социально-экономического прогресса. В этом смысле современные нам технологические преобразования сравнимы по масштабам с такими, как неолитическая революция VIII–III вв. до н.э. и промышленная революция XVII–XIX вв. нашей эры. Напомним, что смысл неолитической революции состоит в переходе от присваивающего к производящему хозяйству, а точнее, к аграрной экономике, в которой главным фактором производства становится земля. Промышленная революция означает переход от аграрной экономики к экономике индустриальной и здесь роль основного фактора производства выполняет уже капитал – вещественные, искусственно созданные человеком элементы производительных сил. Таким образом, суть революционных преобразований экономики связана со сменой доминирующего фактора производства, отношения по поводу которого и собственность на него ста-

новятся ядром всей системы социально-экономических отношений в обществе.

Как следует из сказанного, глобальные изменения в технологическом базисе производства связаны с ролью и соотношением основных факторов производства. Как известно, классическая трактовка теории факторов производства, предложенная Ж.-Б. Сэйем, предполагала выделение трех основных факторов производства: земля, труд, капитал. Впоследствии наряду с указанными выделяются в качестве самостоятельных факторов производства такие новые факторы, как предпринимательство, управление (менеджмент), а в последнее время – также информация и знания. Заметим, что выделенные факторы, на наш взгляд, не следует рассматривать как стоящие в одном ряду.

В ходе развития общественного производства новые факторы не привносятся извне. Происходит процесс выделения новых факторов для отражения усложнения технологических, организационных, а вслед за этим и экономических процессов. По существу, все новые выделяемые факторы представляют собой производные от традиционных: информация, нематериальные факторы производства рождаются как следствие взаимодействия труда и капитала; предпринимательство, управление, знания имеют в своей основе труд, различными гранями которого они и являются.

Общей тенденцией в современной трансформации роли факторов производства является усиление роли личного фактора, сменяющего фактор вещественный, что непосредственно и глубоко затрагивает и отношения собственности. Если в эпоху аграрной экономики собственность на землю определяла характер социально-экономического строя, в индустриальной экономике характер общества определяется собственностью на вещественный фактор производства, то в развивающейся новой («человеческой») экономике определяющие отношения формируются в сфере собственности на труд. Последний, однако, неотделим от его носителя – человека, непосредственного участника хозяйственной деятельности, что определяет и изменяет

роли последнего в экономических отношениях. В этих условиях обращение к проблемам собственности и места в них человека – не только как собственника бизнеса или представителя высшего менеджмента, но и наемных работников, лиц с самостоятельной занятостью – является необходимым направлением развития экономической теории.

Обращение к проблемам собственности предполагает определенную ревизию сложившихся представлений о содержании и структуре отношений собственности, в том числе и ряда традиционно используемых в ходе анализа отношений собственности понятий. Одним из таких понятий является понятие «форма собственности», сквозь призму которого довольно часто рассматриваются отношения собственности. При этом развитие отношений собственности представляется как смена форм собственности. Так, например, Е. Тарандо пишет: «Переход от одной стадии развития (отношений собственности. – С.М.) к другой означает трансформацию системы форм собственности, сложившуюся на предыдущей стадии развития, в иную систему, соответствующую следующей стадии. Тем самым одни формы собственности исчезают, а вместо них появляются другие» (Тарандо, 2003). Аналогичную позицию занимает и ряд других авторов (Красникова, 2007; Тарандо, 2004; Рязанов, Осадин, 2006).

Представляется, однако, что дело обстоит несколько сложнее. Понятие «форма собственности» в отечественной политэкономической традиции исходит из трудов К. Маркса, который в «Экономических рукописях 1857–1861 гг.» писал: «Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства... ни о каком производстве, а стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности. Присвоение, которое ничего не присваивает, есть *contradictio in subjecto* (противоречие в самом предмете)» (Маркс, 1976а, с. 5).

Собственность сама по себе есть общественная форма содержания (производства). Содержание, как известно, представляет собой совокупность составных элементов объекта (свойств, процессов, связей). Форма же есть внутренняя организация содержания, соотношение его составных частей. Смысл этого понятия близок понятию «структура», часто используемому в современной терминологии для отражения устойчивого расположения, соотношения, взаимосвязей в системе. Содержание и форма взаимно обусловлены, образуя целостное единство, где содержание есть подвижная, динамическая грань целого, а форма отражает систему устойчивых связей предмета. Они предполагают и одновременно противостоят одно другому и одновременно являются сторонами единого целого. Содержание, являя собой подвижную, динамическую сторону целого, изменяясь, неизбежно определяет в конечном счете необходимость изменения, трансформации формы. Возникает новая форма, более адекватная развившемуся содержанию, что открывает новый простор (и одновременно стимул) для его дальнейшего развития.

Именно так и обстоит дело с взаимодействием производства и собственности: основу развития отношений собственности составляет развитие производства, ядром которого является труд. Производство, по существу, есть технологически и организационно определенный способ трудовой деятельности. Марксистская традиция исследования отношений собственности, в основе которой лежит анализ развития отношений собственности в органической взаимной связи с развитием трудовых (производственных в узком смысле) отношений, обладает, безусловно, мощным методологическим потенциалом.

В предельно сжатой форме диалектика развития трудовых отношений и отношений собственности в марксистской интерпретации может быть выражена следующим образом: первоначальное единство труда и собственности на этапе индивидуального производства сменяется разрывом труда и собственности на этапе общественного капиталистическо-

го производства, а затем – восстановлением единства труда и собственности на этапе обобществленного производства. Развитие производства под влиянием технологического и организационного прогресса, таким образом, ведет к трансформации собственности. Но это не означает, что эта трансформация сводится к смене форм собственности.

Поскольку собственность сама есть общественная форма, то выражение «форма собственности» означает *форму формы*, является производным, упрощающим действительность понятием. При этом в условиях формирования системы господства частной собственности в период становления и даже развития индустриальной экономики в этом не было большой проблемы. Собственность в традициях того времени трактовалась как монолитное отношение господства человека над вещью. «По наиболее распространенному определению, совпадающему с житейским представлением о праве собственности, последнее составляет неограниченное и исключительное господство лица над вещью» (Шершеневич, 1995, с. 166). Такое понимание вполне адекватно отражало реальное состояние дел, поскольку основной фактор производства имел вещественную форму, его принадлежность могла быть ясно и однозначно определена, а функции государства сводились к защите частной собственности.

С течением времени, однако, эта первоначальная ясность все более и более подвергается сомнению. С одной стороны, постепенно преодолевается однозначный приоритет частного интереса над общественным, что в настоящее время отражается уже и в конституционных нормах современных государств. Так, в ст. 14 Конституции ФРГ указывается: «Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общему благу»². При этом в специальном решении Конституционного суда ФРГ, посвященном

² Конституция ФРГ. Конституции стран мира. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=155> (дата обращения: 31.05.2018).

разъяснению этого вопроса, отмечалось, что это означает «отказ от такой системы собственности, при которой индивидуальный интерес имеет безусловное преимущество перед интересами общества».

В ст. 42 Конституции Италии зафиксировано: «Частная собственность признается и гарантируется законом, который определяет способы ее приобретения и пользования, а также ее пределы – с целью обеспечения ее социальной функции и доступности для всех»³. Как видим, здесь, с одной стороны, речь идет о защите частной собственности, но с другой – указывается и на ее пределы и ограничения. При этом в двух последующих статьях (ст. 43–44) формулируются положения, достаточно широко трактующие возможности государства по вмешательству в частнособственнические отношения: «В целях общественной пользы закон может первоначально закрепить или же посредством возмездного отчуждения передать государству, общественным учреждениям, объединениям трудящихся или потребителей определенные предприятия или категории предприятий, относящиеся к основным публичным службам или к источникам энергии или обладающие монопольным положением и составляющие предмет важных общественных интересов... В целях достижения рациональной эксплуатации земли и установления справедливых социальных отношений закон налагает обязательства на частную земельную собственность, устанавливает предельные размеры этой собственности, соответственно, по областям и сельскохозяйственным зонам, содействует улучшению земель, преобразованию крупных земельных владений и реконструкции производственных единиц, поддерживает мелкую и среднюю собственность»⁴.

Другой существенный аспект развития и усложнения отношений собственности со-

стоит в том, что происходят *принципиальные изменения в самих объектах собственности* – таковыми становятся нематериальные блага, информация и т.д., т.е. блага, обладающие чертами не только частного, но и общественного блага – неисключаемостью, неизбирательностью, неконкурентностью. В таких условиях однозначную принадлежность блага определить гораздо сложнее (а подчас почти невозможно), чем ранее, когда блага можно было почти однозначно отнести либо к частному, либо к общественному. Сказанное выше означает, что понятие «форма собственности» как фиксация принадлежности постепенно теряет содержание, онтологический и гносеологический потенциал.

Реакцией на такое положение становится *поиск альтернативных понятий*, более точно отражающих отношения собственности современного общества. В качестве такого альтернативного понятия появляется термин «режим собственности». Понятие «режим собственности», как отмечает В.Л. Тамбовцев, появилось лишь около двух десятков лет назад в работах авторов, принадлежащих к течению неинституционализма (Тамбовцев, 2008). Как известно, для этого направления характерно рассмотрение экономических процессов в единстве экономического и правового аспектов. Этот подход находит отражение и в трактовке самого понятия «собственность», которое рассматривается как экономико-правовое явление. «Права собственности понимаются как санкционированные поведенческие отношения, возникающие между людьми в связи с существованием благ и касающиеся их использования. Эти отношения определяют такие нормы поведения по поводу благ, которые любое лицо должно или соблюдать в своих взаимодействиях с другими людьми, или же нести издержки из-за их несоблюдения» (The economics of property rights / ed. by E.G. Furubotn, S. Pejovich. Cambridge, 1974. цит. по: (Капелюшников, 2004)). Содержание прав собственности, которыми располагает индивид, определяется совокупностью правил, действующих в обществе. Права, которы-

³ Конституция Итальянской Республики. Италия по-русски. URL: <http://italia-ru.com/page/konstitutsiya-italyanskoi-republiki>.

⁴ Там же.

ми располагает индивид, также определяются совокупностью правил, действующих в обществе: «...под правами собственности принято понимать те действия или совокупности действий с объектами (ресурсами, предметами потребления и т.п.), которые индивид или другой субъект действия может осуществлять с объектом, не подвергаясь угрозе санкций со стороны других субъектов. Кратко говоря, права собственности – это санкционированные обществом действия с имуществом» (Тамбовцев, Шаститко, 2006).

В приведенных цитатах постоянно повторяется слово «право», что часто рассматривается как свидетельство тяготения неоинституционализма к юридическим аспектам экономических отношений. В связи с этим следует заметить, что «правовое» и «юридическое» – связанные, но не синонимичные понятия. «Правовое» в самом общем смысле – признанное сообществом (большим или малым), соответствующее его представлениям о нормах социального поведения. «Юридическое» – законодательно установленное, соответствующее юридическим нормам, которые могут существенно отличаться в разных странах.

Различия между «правовым» и «юридическим» подробно проанализированы еще в работах Ф. Гегеля – он различал право как таковое, связывая его со свободой человека и взаимоотношениями между людьми, и «позитивное» право, находящее выражение в законе (Философия права..., 1990). На это же указывал и К. Маркс, связывая понятие «право» с упорядоченностью социально-экономических отношений: «Урегулированность и порядок являются именно формой упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола... Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон» (Маркс, Энгельс, 1976б, т. 25, ч. II, с. 356–357).

Право – определенная форма социализации экономического, придающее ему упорядоченность. Оно может существовать в

различных конкретных видах. Наличие таких видов правовых норм, как, например, обычай делового оборота, признает и современное законодательство. В ст. 5 Гражданского кодекса РФ говорится: «Обычаем (в предыдущих редакциях именовался как “обычай делового оборота”)». – С.М.) признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо “документе”»⁵.

Возвращаясь к понятию «режим собственности», следует отметить, что в наиболее общем смысле режим собственности – это реальная совокупность возможностей, которой обладает тот или иной субъект по отношению к объекту собственности. Одновременно «режим собственности» – определенная структура прав и обязанностей, характеризующая отношение одного субъекта к другому в связи с объектом собственности.

Первоначально режим собственности выступает, по сути, как понятие, только конкретизирующее форму собственности благодаря выделению отдельных правомочий, уточняющих возможности субъекта собственности по отношению к объекту, притом что сам набор режимов собственности остается похожим на уже хорошо известный набор форм собственности. Сначала в перечень включались три режима собственности: свободной (свободного доступа), государственной и частной; затем к ним добавился режим коллективной (коммунальной) собственности (см. таблицу).

Как видно из таблицы, понятие «режим собственности» органически связано с концепцией собственности как «пакета прав», что и дает возможность уточнить содержание правомочий субъекта собственности по отно-

⁵ Гражданский кодекс РФ (часть 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016). Возможны и иные формулировки санкционированных определенным сообществом норм поведения, например: «Жить по понятиям».

Таблица
Режимы собственности и их содержание

Режим собственности	Право исключения	Право принятия решений об использовании	Право на доход от использования
Свободная собственность (режим свободного доступа)	Никому	Всем	Всем
Государственная собственность	Членам организации «государство»	Членам организации «государство»	Никому
Частная собственность	Индивиду	Индивиду	Индивиду
Коллективная собственность	Группе индивидов	Группе индивидов	Группе индивидов

шению к объекту, однако ничего существенно нового в понимании природы собственности это еще не дает.

Существенный прорыв в понимании природы режима собственности как качественно нового понятия был сделан Э. Остром в процессе рассмотрения коллективной собственности. В своей работе «Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности» (Остром, 2010) она связала режим коллективной собственности с двумя типами правил, которые устанавливаются внутри какой-либо группы в порядке ее самоорганизации.

Первый тип правил – операционные, они определяют, кому и что разрешено, запрещено или предписано делать с теми или иными ресурсами (активами, благами) – непосредственная реализация собственности. К этим правилам она отнесла следующие права: доступа – право войти в контакт с ресурсом и извлечения – право получать некоторый продукт от использования ресурса.

Второй тип – правила коллективного выбора, определяющие, кто может участвовать в изменении или установлении операционных правил и какой уровень согласия между членами группы при этом необходим – определение правил и субъекта реализации собственности. К этому типу отнесены права:

- управления – право регулировать способы использования ресурса и его изменения;
- исключения – право определять, кто будет иметь право доступа к ресурсу и как это право может передаваться;

- отчуждения – право продать или передать в аренду (временное пользование) предыдущие два права.

Анализируя позицию Э. Остром, нетрудно заметить два обстоятельства. Во-первых, выделение в *режиме собственности* ряда взаимодополняющих прав во многом восходит к традиционному для экономической теории прав собственности тезису о том, что собственность представляет собой пакет («пучок») правомочий. Заслуга Э. Остром состоит в том, что она разделила эти права по уровням и распределила их между двумя субъектами: отдельными членами коллектива и коллективом в целом.

Во-вторых, выделенные Э. Остром права вполне могут быть отнесены и к другим режимам собственности: частному (а в чистом виде – индивидуальной частной собственности), где вся совокупность выделенных прав принадлежит отдельному лицу, и государственной собственности, где эти права распределены по уровням государственной иерархии. Простейший тому пример – наделение государственных учреждений и предприятий имуществом на правах оперативного управления или хозяйственного ведения.

Возможно, распределение имущественных прав начиная с более высокого, наднационального, уровня. Например, Н.В. Пахомова приводит очень удачный пример использования рыбных ресурсов открытого моря, где права собственности (право управления) реализуются первоначально на межгосударственном уровне, определяя права доступа для от-

дельных государств. Затем право управления переходит на государственный уровень, где определяются права доступа для регионального уровня, и далее уже на основе управленческих решений региональных органов власти право доступа получают отдельные рыбодобывающие компании (Пахомова, 2005).

Распределение правомочий собственности в рамках коллектива или на уровне государства или даже на межгосударственном уровне, о чем шла речь выше, подразумевает их распределение по вертикали в рамках иерархических структур, традиционных для экономики и общества в целом XX в. Однако в XXI в. под влиянием изменения в технологиях и способов обмена информацией, о чем кратко шла речь выше, рождается и начинает активно распространяться новый тип социально-экономических отношений, основанный на *принципе гетерархии*.

Под гетерархическими системами, как известно, понимаются сложные системы, образованные пересекающимися и разнообразными структурами управления с высокой степенью независимости отдельных элементов системы. Наглядным примером, показывающим различия между организацией функционирования иерархической и гетерархической системами, может быть сравнение команды на военном корабле и в футболе. Каждая команда движется к поставленной цели, но военная команда организована на принципе иерархии, четкой постановке задач, подчинении нижестоящих уровней вышестоящим. Футбольная команда также движется в общем направлении в соответствии с тренерским замыслом, но при этом каждый игрок имеет определенный «коридор» свободы для своих действий.

Гетерархия представляет собой новый способ организации, не являющийся ни рыночным, ни иерархическим, ее особенностью выступает формирование власти по горизонтали, в отличие от привычного вертикального принципа делегирования полномочий (иерархии). Принципиальные изменения здесь состоят в том, что все системы предполагают отношения взаимозависимости между эле-

ментами системы, но иерархия предполагает отношения взаимозависимости и подчинения, рынок – отношения взаимозависимости и автономности, гетерархия основывается на отношениях взаимозависимости и координации.

Организация экономической деятельности на основе принципа гетерархии предполагает широкую автономию предприятий, подразделений, отдельных работников, иных экономических субъектов, распределение властных полномочий между ними. Такая организация существенно повышает способность экономической системы адаптироваться к новым условиям, поскольку не только предполагает множество точек принятия решений, но и требует нового качества взаимодействий между участниками хозяйственной деятельности.

Примером организации деятельности на основе принципа гетерархии могут служить *сетевые организации*, основанные на отношениях горизонтальной координации элементов системы и представляющие собой определенным образом организованные ассоциации субъектов, формирующие новый тип экономической системы – сетевую экономику.

В докладе Европейской Комиссии глобальная *сетевая экономика* (networked economy) определяется как «среда, в которой любая компания или индивид, находящиеся в любой точке экономической системы, могут контактировать легко и с минимальными затратами с любой другой компанией или индивидом по поводу совместной работы, для торговли, для обмена идеями и ноу-хау или просто для удовольствия»⁶. Р.И. Цвылев в связи с этим отмечает: «...Возникает своего рода безотраслевая, сетевая экономика, основанная преимущественно на горизонтальных связях» (Цвылев, 1996, с. 141).

Среди исследователей сетевой экономики существуют две основные точки зрения на ее сущность. Согласно первой под *сетевой экономикой* следует понимать часть экономи-

⁶ Status report on European telework: Telework 1997, European Commission Report, 1997. URL: <http://www.eto.org.uk/twork/tw97eto/>.

ки, включающую информационную отрасль народного хозяйства: электронный бизнес, интернет-экономику и т.п. (Паринов, Яковлева, 2013). Другая часть авторов склонна распространять понятие «сетевая экономика» на всю экономику страны; при этом электронный бизнес и интернет-экономика входят в нее в качестве составных частей.

Последнюю точку зрения разделяет, например, Б.З. Мильнер, указывающий, что причиной появления сетевых организаций является поиск фирмами «более эффективных форм распределения ресурсов и координации деятельности», и формулирующий свою позицию следующим образом: «Характерная черта нового времени – возникновение сетевых организаций, в которых последовательность команд иерархической структуры заменяется цепочкой заказов на поставку продукции и развитием взаимоотношений с другими фирмами. Сети представляют собой совокупность фирм или специализированных единиц, деятельность которых координируется рыночными механизмами вместо командных методов» (Мильнер, 2000). Как видим, с его точки зрения, координация деятельности в сетевых организациях осуществляется с помощью рыночных механизмов. Однако вряд ли с этим можно в полной мере согласиться, тем более что он сам в числе примеров сетевых организаций приводит ряд таких, в которых сложно увидеть доминирование рыночных механизмов, например, «сетевая организация при осуществлении крупных проектов. В этих формах работа организуется вокруг специфических проектов и предполагает создание временных коллективов квалифицированных работников различного профиля (например, строительные и промышленные проекты, издательское дело или создание фильмов)», или «сетевая организация в районах (“долинах”) с малыми производственными фирмами. Эти формы связей охватывают, например, северные итальянские промышленные районы (включая текстильные компании, такие, как Бенеттон) или фирмы, занятые производством полупроводников в Силиконовой долине (США)» (Мильнер, 2000).

Эти примеры говорят, скорее, об обратном: хозяйственная деятельность в таких организациях строится на основе распределения отдельных функций по производству конечного продукта или обслуживанию его, строится на договорных партнерских отношениях длительного характера, не укладывающихся в традиционные рыночные механизмы.

В связи с этим более правильной представляется точка зрения, согласно которой сетевая экономика – это «качественно новая форма экономического порядка, которая начинает вытеснять иерархические и рыночные формы из обслуживания экономических отношений в обществе» (Паринов, Яковлева, 2013). Наиболее точным определением таких новых по своей организации экономических связей и является их трактовка как гетерархических, субъектами которых являются взаимосвязанные, равноправные участники экономической деятельности.

Ярким примером сетевой организации, функционирующей на основе принципа гетерархии, является городское сообщество, включающее множество относительно автономных, но взаимозависимых групп: органы государственного и муниципального управления, бизнес-сообщества, объединения, представляющие интересы различных слоев и групп населения: градозащитники, зеленые, этнические сообщества и пр. Между этими группами существуют объективные противоречия в интересах: власть заинтересована в собственной стабильности и упрочении своей власти, бизнес – в повышении доходности, население – в комфортных условиях жизнедеятельности.

При этом все эти субъекты нуждаются друг в друге:

- власть нуждается, по крайней мере, в росте доходов бюджета, который формирует за счет налогов с бизнеса и населения;
- бизнес – в благоприятном предпринимательском климате с минимумом бюрократических процедур и определенных преференциях со стороны власти, в лояльности населения;

- последнее – в занятости, в росте своих доходов, в социальных трансфертах со стороны власти и т.д.

Развитие гетерахической организации социально-экономических отношений ведет к существенным изменениям в отношениях собственности, предполагая совместное использование экономических ресурсов (информации, технологий, оборудования, нематериальных активов – в сетевых фирмах, территории – в городах и пр.) с одновременным разделением отдельных правомочий собственности на эти ресурсы между субъектами, входящими в сетевую организацию.

Практическое отражение этих процессов проявляет себя во все большем распространении таких форм существования собственности, когда права на активы оказываются распределенными между множеством субъектов. Так, например, Б. Шаванс выделяет так называемую «переплетенную» собственность, возникающую в процессе приватизации, указывая на ее следующие черты: множество разнородных собственников; неопределенные границы между общественными и частными формами собственности с развитием гибридных; перекрестное владение собственностью, включая банки и промышленную собственность (Шаванс, 1999). Наряду с этим возникают такие формы, как перекрестная, сетевая, гибридная, собственность в виде ленты Мебиуса.

Каждая такая форма имеет особенности. Например, для сетевой собственности характерно, что компании, «отпочковавшиеся» от головного предприятия, ориентируются в своей деятельности либо более чем на одно акционерное общество, либо на другие компании с ограниченной ответственностью. При этом компании, входящие в сеть, признают существование сети собственности, объединяющей их взаимозависимые активы, и перегруппируют активы вне зависимости от формальных организационных границ фирмы. Для собственности в виде ленты Мебиуса (присуща китайской практике) характерно преобразование государственной собственности в

коллективную, частную или иностранную путем аренды, «отпочкования» новой компании от существующей при участии специалистов «рискового» финансирования и самой материнской компании, а также путем создания совместных предприятий. Некоторые крупные государственные предприятия в больших городах могут принимать форму холдинговой компании, акции которой распределяются между комитетом государственного имущества муниципальной администрации, другими государственными предприятиями, коллективными или частными предприятиями, работниками.

Однако при всем разнообразии конкретных комбинаций распределения и интеграции правомочий собственности в рамках той или иной конкретной формы общим направлением развития современных форм реализации собственности является распределение правомочий собственности между определенным множеством различных по своей социально-экономической природе субъектов, связанных прямыми и обратными связями, обладающих определенной степенью автономности и самостоятельности, но одновременно и взаимозависимых друг от друга.

Все это позволяет утверждать, что наиболее распространенным в настоящее время становится режим «распределенной» собственности, для которого характерно распределение отдельных правомочий собственности между множеством субъектов, взаимосвязанных друг с другом таким образом. Поэтому полная реализация всего «пакета» права собственности возможна лишь при условии согласованности их действий⁷,

⁷ В литературе встречаются предложения использовать и иные определения нового феномена в организации отношений собственности. Так, А.А. Гриценко предлагает использовать термин «совместно-разделенная собственность». См.: *Гриценко А.А.* Концепция совместно-разделенной деятельности как методологическое основание социально-экономической модернизации. URL: <http://me-forum.ru/upload/iblock/5ac/5aca1d9d2a80a699451ea2d78dc3bdba.pdf>. Однако он не связывает это поня-

что ставит в ряд первоочередных проблем современного этапа социально-экономического развития формирование *договороспособности* как необходимого качества хозяйствующих субъектов (Максимов, Хвостов, 2016).

Подводя итоги нашего анализа, сформулируем некоторые основные выводы.

Понятие «*форма собственности*» на современном этапе социально-экономического развития, характеризующемся кардинальным повышением роли личного фактора, растущим влиянием горизонтальных экономических связей, возрастающей автономностью и одновременно взаимной зависимостью участников хозяйственной деятельности, утрачивает свой познавательный потенциал, не обеспечивая адекватного отражения достигнутого уровня развития отношений собственности. Более точным и содержательным понятием, позволяющим отразить способ существования отношений собственности, является понятие «режим собственности», которое представляет собой реальный набор правомочий (возможностей), которыми располагает тот или иной субъект по отношению к объекту. Эти правомочия могут быть закреплены формально, в юридических нормах, однако возможно и их неформальное закрепление в гласных и негласных договоренностях между участниками, объединенными в общий экономико-производственный процесс. В условиях роста самостоятельности отдельных участников совместной хозяйственной деятельности (юридических и физических лиц) при одновременном усилении их взаимозависимости через использование общих экономических ресурсов, технологий, информации, наиболее адекватным режимом собственности в настоящее время становится режим распределенной собственности.

Режим распределенной собственности предполагает распределение правомочий собственности между рядом взаимосвязанных и вовлеченных в единый экономико-производ-

тие с развитием сетевой экономики и не рассматривает «совместно-разделенную собственность» как особый режим собственности.

ственный процесс участников, что позволяет задействовать мотивации собственника для повышения эффективности экономической деятельности. Реализация потенциала режима распределенной собственности предполагает необходимость четкой и определенной фиксации содержания правомочий каждого из участников хозяйственной деятельности, являющихся по своему социально-экономическому статусу одновременно и субъектом отношений собственности («сособственником»). Другое необходимое условие успешной организации деятельности на базе распределенной собственности – укрепление договороспособности как качественной характеристики экономического поведения хозяйствующих субъектов.

Список литературы

- Гриценко А.А. Концепция совместно-разделенной деятельности как методологическое основание социально-экономической модернизации. URL: <http://me-forum.ru/upload/iblock/5ac/5aca1d9d2a80a699451ea2d78dc3bdba.pdf>.
- Капелюшников Р. Право собственности (очерк современной теории) // Отечественные записки. 2004. № 6 (21). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/pravo-sobstvennosti-ocherk-sovremennoy-teorii>.
- Красникова Е. От единообразия к многообразию форм собственности // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 8.
- Максимов С.Н., Хвостов А.Б. Договороспособность как экономико-правовое понятие // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. М.: Политиздат, 1976а. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Vved/vved.html> (дата обращения: 31.05.2018).
- Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч., 2-е изд. М.: Политиздат, 1976б. Т. 25. Ч. II. С. 356–357.
- Мильнер Б.З. Теория организаций. Гл. 33: Сетевые организации. М.: ИНФРА, 2000. URL: http://polbu.ru/milner_organization.

- Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2010.
- Паринов С.И., Яковлева Т.И. Экономика 21 века на основе интернет-технологий, 2013. URL: <http://rvles.ieie.nsc.ru/parinov/economy21>.
- Пахомова Н.В. Концепция иерархии имущественных прав на природные ресурсы // Вест. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 5. Экономика. 2005. Вып. 2.
- Рязанов В.Т., Осадин Н.Н. Общественная собственность и ее роль в формировании рыночной модели экономики России // Проблемы современной экономики. 2006. № 1–2 (17–18). URL: <http://www.m-economy.ru>.
- Тамбовцев В.Л. Стейкхолдерская теория фирмы в свете концепции режимов собственности // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6. № 3.
- Тамбовцев В., Шаститко А. Упорядочивание отношений собственности // Стратегии России. 2006. № 4. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1145953594&archive=1145955478&start_from=&ucat=14&.
- Тарандо Е.Е. К вопросу о новой трактовке законов развития собственности // Проблемы современной экономики. 2003. № 2. URL: <http://www.m-economy.ru>.
- Тарандо Е.Е. Проблемы повышения эффективности управления государственной собственностью // Проблемы современной экономики. 2004. № 3 (11).
- Философия права и современность. М.: Мысль, 1990.
- Цвылев Р.И. Постиндустриальное развитие. Уроки для России. М.: Наука, 1996.
- Шаванс Б. Социализм и капитализм: теоретическое будущее и реальность // Вопросы экономики. 1999. № 6.
- Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: СПАРК, 1995.
- Status report on European telework: Telework 1997, European Commission Report, 1997. URL: <http://www.eto.org.uk/twork/tw97eto/> (дата обращения: 31.05.2018).

Рукопись поступила в редакцию 20.02.2017 г.

REGIME VS TYPE OF OWNERSHIP: THE CURRENT TREND IN THE DEVELOPMENT OF OWNERSHIP RELATIONS

S.N. Maksimov

Sergey N. Maksimov, St. Petersburg University of Economics, St. Petersburg, Russia, msn1@mail.ru

The article discusses the trends in the development of property relations due to changes in technological methods of production, the changing role of factors of production, in particular, the increase in the role of the human factor in modern conditions. The increasing role of man as an active subject of economic activity is reflected in his place in the relations of property. Traditional for the previous stages of development of social production division into “owners” and “non-owners” goes back to the past, conceding to distribution of powers of property in various combinations between all participants of economic activity. At the same time, modern transformations of property involve a significant revision of the conceptual apparatus used in the process.

According to the author, currently loses its meaning such a thing as “form of ownership”, and more accurately reflects the current trends in the development of property relations is the concept of “ownership regime”, since the real content of property as appropriation is determined not by the fact of formal belonging of the object to the “title” owner, but by the real distribution of ownership rights in relation to the object of property between a number of economic entities, which are the “title” owners, managers, individual employees, etc., taking into account the interests of which becomes a necessary condition for the efficiency of economic activity. With this in mind, it is proposed to use the concept of the “distributed property” regime as a concept that most accurately reflects the modern processes taking place in property relations in the process of transition from hierarchical to heterarchic organization of economic processes. The latter means the regime of ownership, in which the powers of ownership are distributed among a number of economic entities in such a way that none of them can decide on the fate of the object without the consent of others.

Keywords: property, property’s contents, property’s form, form of ownership, property mode, hierarchy, heterarchy, network economics, distributed property, contractual capacity.

JEL: P26.

References

- Gritsenko A.A. Concept of common-divided activities as methodological basis for socio-economic modernization (in Russian). URL: <http://me-forum.ru/upload/iblock/5ac/5aca1d9d2a80a699451ea2d78dc3bdba.pdf>.
- Kapelyushnikov R. (2004). Ownership (an outline of modern theory). *Otechestvennye zapiski*, no. 6 (21) (in Russian). URL: <http://www.stranaz.ru/2004/6/pravo-sobstvennosti-ocherk-sovremennoy-teorii>.
- Krasnikova E. (2007). From uniformity to diversity of forms of ownership. *World economy and international relations*, no. 8 (in Russian).
- Maksimov S.N., Khvostov A.B. (2016). Contract-ability as economic and legislative notions. *EurAsia law magazine*, no. 10 (in Russian).
- Marx K. (1976a). *Economical manuscripts of 1857–1861*. Moscow, Politizdat (in Russian). URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Vved/vved.html>.
- Marx K., Engels F. (1976b). *Complete Works*, 2nd ed. Moscow, Politizdat, vol. 25, part II, pp. 356–357 (in Russian).
- Milner B.Z. (2000). *Theory of organizations*. Ch. 33. Networking organizations. Moscow, INFRA (in Russian). URL: http://polbu.ru/milner_organization.
- Ostrom E. (2010). *A general management: The evolution of institutions for collective action*. Moscow, IRISAN, Misl (in Russian).
- Pakhomova N.B. (2005). The concept of the hierarchy of property rights to natural resources. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 5. Economics*, is. 2 (in Russian).
- Parinov S.I., Jakovleva T.I. (2013). *Economics of 21 century based on Internet technologies* (in Russian). URL: <http://rvles.ieie.nsc.ru/parinov/economy21>.
- Philosophy of law and modernity*. (1990). Moscow, Misl (in Russian).
- Ryazanov V.T., Oudin N.N. (2006). Public property and its role in the formation of market model of economy of Russia. *Problems of modern economy*, no. 1–2 (17–18) (in Russian). URL: <http://www.m-economy.ru>.
- Shavans B. (1999). Socialist and capitalism: Theoretical future and reality. *Voprosi ekonomiki*, no. 6 (in Russian).
- Shershenevich G.F. (1995). *Textbook of Russian civil law*. Moscow, SPARK, pp. 166 (in Russian).
- Status report on European telework (1997): *Telework 1997*, European Commission Report. URL: <http://www.eto.org.uk/twork/tw97eto>.
- Tambov V., Shastitko A. (2006). Ordering of property relations. *Strategy of Russia*, no. 4 (in Russian).
- Tambovtsev V.L. (2008). The stakeholder theory of the firm in the light of the concept of property regimes. *Russian management journal*, vol. 6, no. 3 (in Russian).
- Tarando E.E. (2003). On the issue of a new interpretation of the laws of property development. *Problems of the Modern Economy*, no. 2 (in Russian). URL: <http://www.m-economy.ru>.
- Tarando E.E. (2004). Problems of improving the efficiency of public property management. *Problems of the Modern Economy*, no. 3 (11) (in Russian).
- Tsvylev R.I. (1996). *Post-industrial development. Lesson for Russia*. Moscow, Nauka (in Russian).

Manuscript received 20.02.2017